

Петровские канты.

Н. Ф. Финдейзена.

(Представлено академиком И. Ю. Крачковским в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 10 ноября 1926 года).

I.

В Буслаевском собрании Рукописного Отделения Государственной Публичной Библиотеки имеется любопытный нотный сборник середины XVIII в. (под шифром Q. XIV № 141), на лицевой стороне переплета которого наклеен кожаный ярлык с киноварной надписью: «Псалмы душеполезные». Сборник этот состоит из нескольких частей, писанных тремя различными почерками: тексты первой части, заключающей духовные «псалмы» — малороссийским почерком; начиная с 139-го листа — значительная часть сборника — четким полууставом; ноты — квадратной, так называемой киевской пятилинейной нотацией. Рукопись содержит более 240 вокальных хоровых пьес, так называемых «кантов» и «псалм», в том числе много духовных стихов, псалм и песен даже любовного характера, как напр., заключительная пьеса рукописи с таким началом:

«Что убо
Сугубо
Сердце во мне играше,
С радости
Сладости,
Яко воск, раст(а)яше?».

Буслаевский певческий сборник содержит также не мало торжественных кантов на разные выдающиеся события в России. Большинство

последних относится к эпохе Петра, но встречаются канты, воспевающие и более поздние по времени события, как напр., канты, посвященные Петру II, Анне Ивановне и Елисавете. Таким образом, содержание Буслаевского сборника положительно указывает на первую половину XVIII в. как на время его составления. Сохранившаяся на оборотной стороне верхней доски переплета запись: «1746 года, октября 20 дня, ехал я из Москвы низ», — подтверждает, что сборник представляет не позднейшую, хотя и близкую к данной эпохе копию, а самый подлинник. Из дальнейших записей любопытны две на л. 68-м рукописи, касающиеся истории этого сборника. Именно с этого 68-го листа начинается вторая часть сборника, писанная иным почерком против первого. На этом листе читаем: 1) запись переписчика второй части: «Сии псалмы канцелярии духовной декастерии копейста Александра Никитина сына Поморкова, подписал я Поморков своею рукою», и 2) передаточная надпись: «Продал копейст государственной юст коллегии Федор Розов 1772 октября 6». Эти записи свидетельствуют, что и московский купец Илья Томилин, и копейст духовной дикастерии Александр Поморков, а может быть, и копейст Федор Розов — несомненно были любителями, а весьма вероятно, и исполнителями кантов и псалм.

Этот сборник неоднократно привлекал внимание наших исследователей. Акад. В. Н. Перетц в первом томе своих «Историко-литературных исследований и материалов» дал достаточно полный каталог начальных строф текстов рукописи, не коснувшись, однако, его музыкальной части, т.-е. напевов. Более подробно, но опять-таки только со стороны текстов, им были исследованы некоторые малороссийские канты сборника, притом преимущественно духовные. До сих пор только музыка трех Елисаветинских кантов Буслаевского сборника была опубликована С. В. Смоленским в V вып. «Музыкальной Старины».

Таким образом, полное содержание сборника, дающее значительный и очень разнообразный репертуар духовных и светских, торжественных и интимных русских хоровых произведений первой половины XVIII в., почти совершенно отступающих от современной им церковно-певческой литературы, еще ждет своего исследователя. Он найдет в этом сборнике обильный подлинный материал русского певческого искусства, тем более любопытный, что рукопись представляет настоящий сборник, т.-е. собрание нескольких однородных отдельных сборников, переплетенных затем в общий переплет и содержащих значительный ряд духовных («душеполезных») псалм на великорусском и малорусском (вся вторая часть сборника) языках, а в от-делах своих светских торжественных кантов устанавливает тот подлинный

репертуар кантов, который сочинялся и, вероятно, заказывался для различных официальных празднеств. Впоследствии эти канты заменились итальянскими, преимущественно «кантатами», писавшимися придворными капельмейстерами.

Одному из отделов Буслаевского сборника, содержащего канты Петровского времени, и посвящен настоящий очерк. Петровские канты, однородные с пьесами исследуемой рукописи, можно, конечно, встретить и в других рукописных сборниках, хотя и более позднего времени, напр., в двух сборниках «кантов и псалм» из собрания В. М. Ундольского (за №№ 898 и 900), находящихся в б. Московском Румянцевском Музее. Но в них мы имеем едва ли не более поздние копии, к тому же перемешанные переписчиками с другими пьесами, большей частью — псалмами назидательного характера. Буслаевский же сборник представляет образец очень разнообразного по своему составу певческого репертуара начала XVIII в., к тому же в значительной части сгруппированный по отделам.

II.

Петровские канты, находящиеся в настоящем сборнике, воспевают главнейшие события Петровского времени, начиная с первых побед Петра, устанавливая, таким образом, и самые даты сочинения кантов.

Наиболее ранними по времени являются два канта, воспевшие взятие Шлиссельбурга (1702). «Возвести словом всем днесь трубою», восклицает один из них (лл. 196 об. — 197 об.),

«Покорил бог слюсенбурх под нозе
Цареви Петру в благости мнозе»...

Второй из «шлиссенбургских» кантов (лл. 198 об. — 199), более интересный и яркий по музыке, может служить прототипом Петровских торжественных кантов и в отношении текста, и в отношении напева, с его фанфарным или «валторным» началом, характерным для русской певческой композиции концертного стиля, введенного незадолго до того в Москве с легкой руки Н. П. Дилецкого, автора известного учебного трактата «Музыка» (1681). Как текст, так и напев канта одинаково создают то ликующее настроение, которое было свойственно Петровским кантам вообще.

Кант на взятие Шлиссельбурга (1702).¹

1. Радуйся Росско земле (2) Ликуй ве-се-ляся (2)
2. На камени толиком (2) Яко утвер-дися (2)
3. Сня камнем российским (2) Свет ся защищает (2)

1. Петре камень твердейший (2) Па-че а-да-манта
2. Сего я вся трепещут (2) Силы рада-ман-та
3. Сокруши и швецку лву (2) Зубы изо-щренны.

Затем, в хронологическом порядке, следуют «Кант на взятие Нарвы» (1704):

«Крепкие стены Нарвы аки Трои
Суть сокрушенны от российской издоби»...

(л. 180 об. — 181)

и «Кант на победу Меншикова» под Калишем (1706):

«Именитый князь царские полаты
Римский Александр в воинству богаты,
Сего трепещут шведки полки многи
Оставляются, вся стают убоги»...

(л. 182 об. — 183).

Этот кант заключается «виватом»:

«Виват, виват днесь ковалер преславный,
Виват, во веки в мужестве изрядный».

¹ Музыка кантов («киевской ноты» подлинника) переложена мною на современную нотацию.

Повидимому, «виватное приветствие» подобных торжественных московских кантов появляется здесь впервые. Несомненно, виваты, а также другие полонизмы, свойственные тогдашней русской поэзии, перешли в московские канты из Польши через посредство киевских «спевак» и регентов малороссийского происхождения. В заключительной строфе «Eri-logus Dithyrambicus» одной из рукописных драматических польских пьес начала XVIII в. (ркп. Публ. Библ. польск. Q. XIV № 63, л. 32) можно встретить нескончаемый ряд виватов:

«Vivat Saturn złotozniwy,
 Vivat Flora y Pomona,
 Vivat Ceres zabelona

 Vivat Nimfy y Trytony,
 Vivat wszystkie swiata strony,
 Vivat, vivat, vivat, vivat
 Wraz Działyński
 z Szamowską!».

В дальнейших русских кантах, подобного рода виваты встречаются постоянно. В эпоху Петра, как мы увидим, существовали даже особые «виватные канты», текст которых, оторванный от музыки, терял всякий интерес для исследователей Буслаевского сборника, а потому и обходился ими вовсе. Между тем, виваты настолько привились в русской светской хоровой литературе XVIII в., что в настоящем сборнике можно встретить подобные виваты, обращенные даже к персонам духовного звания, как напр., один из его последних кантов, воспевающий в заключительном куплете:

«Виват пастырь Казанский,
 Виват экзарх Свяжский,
 Виват, виват, виват ты буди,
 Рцйте казанстии люди
 На многая лета».

Рассмотренные нами до сих пор пьесы, повидимому, были официальными «встречными кантами», подобно многим другим настоящего сборника. Но любопытно отметить, что среди них попадаются канты, воспевающие события совсем иного характера. Таковы, напр., два канта, связанные

с именем будущей имп. Екатерины I. Один из них — на того же Меншикова и уход из его дома «девы Марты» —

«Сесь избрася любезная ныне
Лепая дева царю благостыне» . . .

(л. 222).

Весьма интересна аналогия сюжета этого канта с картинкой испанского художника Себастиана Лерай, гравированной Боссельманом (по «Словарию гравированных портретов» Ровинского — № 529), едва ли не изготовленной по заказу самого Петра или Меншикова. Впоследствии эта картинка распространялась в гравюрах, а еще позднее — в дешевых литографиях. Эта картинка озаглавлена: «Петр Великий берет от князя Меншикова Екатерину»; далее следует подробное официальное описание якобы первой встречи Екатерины (вернее Марты) с Петром за вечерним столом князя Меншикова. Несомненно, на мой взгляд, источник трехголосного канта и картинки был один и тот же.

Другое событие семейной жизни Петра также послужило одновременно как для гравюры того же Лерай (у Ровинского под № 634), так и для нового трехголосного канта. Эта картина с подписью: «Великий Петр коронует императрицу Екатерину» — также распространялась в гравированных и литографических копиях. В канте Буслаевского сборника (л. 168) торжество Екатерины воспето так (в пятом куплете):

«Ныне про милость изыде слава велика,
Красоте ее никто подобен толико.
Она персона краше всех сияет,
Милость ее паче всех воссияет»,

а в заключительном:

«Цветами исплести венец ти подаваем,
Во императрицах ти виват припеваем,
Единым вам виват воспеваем,
И многа лет жить вам поздравляем» . . .

Эти вирши очень близко напоминают известный стихотворный календарь «Песнь святым» Симеона Полоцкого, и, вероятно, принадлежат какому-либо придворному версифактору, воспитаннику школы Полоцкого. В музыкаль-

ном отношении, первый кант (л. 222) — на уход Екатерины из дома Меншикова — интереснее второго (коронационного):

Кант на Меншикова и уход из его дома Екатерины (1705).

Музы согласо (2)
Отвергну печаль (2)

в купе днес гласите
радостные рцйте

От печали бо зде прилично вносить радости жити
Не горда у - же не блага ни лиха не злобна тиха

Как объяснить появление подобных кантов и картин?

И Петру, и самой Екатерине необходимо было оправдать выбор, сделанный Петром — бывшей Марты Скавронской (Катерины «Василеевской» тож), не только ставшей его законной женой, но затем и коронованной им императрицей. Недаром ходили в народе разные толки по поводу связи государя с никому неведомой дочерью ливонского крестьянина. Недовольство народа и солдатства, говорит один из историков,¹ выразилось в «неудобь сказуемых» толках, быстро облетавших народные массы: «не подобает монарху, так и ей, Катерине, на царстве быти: она не природная и не русская; и ведаем мы», говорит один из старых служивых, «как она в полон взята² и приведена под знамя в одной рубахе, и отдана была под караул, и караульный наш офицер надел на нее кафтан... Она с князем Меншиковым его величество кореньем обвели»...

Много подобных слухов и жалоб раздавалось в застенках Преображенского приказа, и далеко не всех их можно было искоренить при помощи

¹ М. И. Семевский. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. СПб., 1884, стр. 82.

² 24 августа 1702 г.

запечных мастеров. Если не при Петре (что, однако, вполне можно допустить), то уже в пору царствования самой Екатерины и по инициативе ее бывшего ментора, князя Меншикова, стали создаваться и картинки соответствующих сюжетов оправдательного характера, и канты, воспевавшие доблести и заслуги перед Петром новой его супруги. К сожалению, ни в словарях Д. А. Ровинского, ни в других источниках мне не удалось найти биографических указаний об авторе указанных «картинок», — упомянутом испанском художнике начала XVII в. Себастиане Лерай. Но мы увидим, что и для других Петровских кантов Буслаевского сборника можно найти объяснения в современных им печатных художественных листах русских и иностранных граверов.

К подобного рода вокальным произведениям следует отнести еще один из кантов нашего сборника «На измену Мазепы» (1708): «Увы, увy, рече, ах, Мазепа» (л. 201—202). Далее следуют уже специально Петровские приветственные канты.

III.

Первым, в хронологическом порядке, является кант «На завоевание Риги» (1710), в котором поется:

«Рига Стекхолми¹ совет предлагает
На лва надежду не повелевает»...

и далее

«Что ты Стекхолми ныне помышляешь,
Что всуе на лва еще уповаешь?»...

(л. 181 об. — 182).

Последним по времени Петровским торжественным кантом является кант «На взятие Дербента» (1722), с таким началом:

«Торжественная паки вам отрада
Спешно приходит российская чада
От восточные военные брани
Марсовой дани»...

Музыка этого канта, заключающегося добавочным «виватным», будет приведена ниже, в связи с историей самого канта.

¹ Стокгольму. Шведский государственный герб носит изображение льва.

Наибольшее количество торжественных кантов приходится на важнейшее политическое событие царствования Петра — заключение Ништадтского мира (1721). Их не менее десяти, не считая обширной композиции, обнимающей целую серию кантов и представляющей особенный интерес для исследователя прошлого русской музыки. Эта композиция, несомненно, была создана для одного сложного и грандиозного праздника, вероятно, также по случаю заключения Ништадтского мира.

Из упомянутых мною десяти торжественных кантов, идущих в Буслаевском сборнике почти подряд, на лл. 167—194, некоторые заслуживают быть отмеченными по своей торжественности или своеобразному замыслу, или, наконец, по сложности, в противоположность большинству кантов и псалмь рукописи, очень примитивных по музыкальной форме (обычно, они представляют только период, сложенный из двух музыкальных фраз). Два из этих «ништадтских» кантов, всюду воспевающих примирение «российского орла двоеглавна» со «швецким лвом», — несомненно связаны с провозглашением Петра императором и принятием им этого титула. Первый из них более курьезен по тексту, а исполняться мог в Петербурге во время торжественного обеда у Меншикова:

«Хвалим орла двоеглавна
Хвалим монарха преславна,
Поем ковалера дивна,
Поем и в мире предивна.
Виват, виват, виват
Ковалер преславный
Император славный»...

(лл. 172 об.—173)

и в конце снова продолжительный виват с заключительным припевом «эт бене виват», в перерывах которого, вероятно, раздавались пушечные или ружейные выстрелы.

Второй кант («Радуйся Петре император славный», лл. 176 об.—177), более сложен по композиции, но также ординарен по музыке; отдельные слова текста: *мир, дав, град, взяв, царь, Петр*, повторяются каждое по четыре раза, с длинным заключительным виватом.

В какой же обстановке исполнялись все или большинство этих торжественных кантов, к которым должно еще прибавить ряд отдельных много-

летий и виватов, также имеющих в Буслаевском сборнике и, несомненно, принадлежащих той же эпохе?

Известно, что Петр Великий любил устраивать и тешить себя всякого рода празднествами (встречами, фейерверками, маскарадами, пирами и т. д.) в честь побед своих и своих приближенных. Канты нашего сборника, вместе с гравированными («грыдированными») листами иноземных и русских мастеров, являются теми подлинными документами, которые раскрывают художественную сторону этих публичных торжеств, впервые устраивавшихся в старой Москве в таком виде и таком масштабе.

Едва ли не первое подобное торжество было устроено в 1696 г. по случаю взятия Азова. То был никогда еще не виданный в Москве праздник — въезд победителей через триумфальные ворота, специально сооруженные и украшенные разными символическими изображениями и надписями.¹ Д. А. Ровинский,² под №№ 457 и 458 «Петровских портретов», указывает на современную гравюру Вейгля, изображающую триумфальное шествие Петра на колеснице о четырех конях, и на более позднюю, но тоже современную Петру амстердамскую гравюру (1717 г.) Т. Ottens'a, изображающую шествие его через триумфальные ворота, воздвигнутые по случаю Азовской победы. Таким образом, первая победа Петра над врагом установила обряд публичного празднования — шествием через триумфальные ворота.

Следующие празднества стали устраиваться еще более пышно: первая победа над шведами, согласно «Ведомостям» за 1703 г., была отпразднована так:

«Нынешнего ноеввриа в 11 день, его царское пресветлое величество, по разных на сухом пути и на море победах над шведами и по взятии крепостей Шлотбурга, Ямбурга и Капорье, возвратился к Москве и в пришествии е. ц. в. великий был в Москве триумф, и устроены были трой врата триумфальные со многими украшениями».

Последние были изображены и описаны в изданном одновременно («напечатана в царствующем великом граде Москве; лета господня 1703», на пятнадцати листах, folio) альбоме: «Торжественная врата, вводящая в храм бессмертные славы» и т. д. Тогда же была издана в Москве и другая брошюра: «Торжество мира преславного...

¹ Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1876, вып. VI, стр. 550.

² Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888, т. III, стр. 1655.

пресветлейшего и великодержавнейшего государя нашего и вел. князя Петра Алексиевича... По торжественном же его от брани возвращения...».

Эту пьесу следует отметить, ввиду указания ее исполнителей — как сказано на титуле: «действием вернейших подданных и нижайших рабов славено-латинских афин, благородных великороссийских отроков». Эти «благородные великороссийские отроки» — ученики московской Славено-латинской Академии — участвовали, вероятно, и в вокальном исполнении встречных кантов, а таковых Буслаевский сборник сохранил нам два, относящихся именно к праздновавшейся победе. Оба печатных текста приведены Пекарским во втором томе его исследования «Наука и литература о России при Петре Великом».¹

Для празднования завоевания вновь от шведов городов Нарвы и Дерпта, в декабре 1704 г., было устроено семь триумфальных ворот, через которые проезжал Петр, возвратившись в Москву, а за ним вели пленных шведских офицеров и везли взятые у неприятеля знамена и пушки.²

Еще более внушительное торжество вызвала Полтавская победа. «Походный Журнал» 1709 г. просто отметил: «В 19-й день (декабря) вошли в Москву с великим триумфом». По указанию Костомарова,³ торжественное шествие Петра состоялось через семь ворот, вероятно, сохранившихся с 1704 г., но теперь обновленных всевозможными надписями и символическими эмблемами. Празднество продолжалось в течение нескольких дней. Музыкальная его часть сохранилась в виде десяти одноголосных «Стихов» в позднейшей копии (1775) среди рукописей б. Синодального Училища в Москве, декоративная — в современных событию гравюрах. По этому случаю была напечатана книга «Політiколѣпная Апоееосiс», содержащая, между прочим, «толкование врат триумфальных», их надписей и эмблем, которые изображали российского орла и шведского льва. В одном месте автор книги, приписываемой Феофилакту Лопатинскому, восклицает: «O triumphe, o торжество, глас радостный, глас торжественный вопием». Сходство надписей с текстом кантов снова дает возможность предположить, что авторами виршей вокальных кантов были члены «селіно-славенолатинскія академіи» в Москве, значущейся и на титуле «Політiколѣпной Апоееосiс».

¹ П. Пекарский. Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 гг. СПб., 1862, №№ 64—65, стр. 74—75.

² Костомаров. Русская история, стр. 583.

³ Там же, стр. 607.

То же торжество было зафиксировано и в современных гравюрах Алексея Зубова (1711), П. Пикара и А. Ростовцева, описанных Ровинским в Петровском отделе упомянутого «Словаря», под №№ 554 и 555. Первая из них представляет, согласно подписи, «Изъявление триумфального входа его царского величества в Москву». На двойных листах Ростовцева изображены некоторые из триумфальных ворот, а именно:

- 1) врата при дворе «его светлости князя Меншикова»,
- 2) врата триумфальные «именитого человека Строганова», и
- 3) врата триумфальные «строены трудами школьных учителей», т.-е., конечно, преподавателей упомянутой выше Славено-латинской Академии.

30 августа 1721 г. царскими послами был заключен Ништадтский мирный договор, завершивший многолетнюю Северную войну. 22 октября в Петербурге начались торжества мира, с провозглашением канцлером Головкиным Петра императором и восклицанием присутствовавших сенаторов: «виват, виват, Петр Великий, отец отечества, император всероссийский». Затем последовали балы, фейерверки, маскарады и многодневные празднества. Восклицания сенаторов очень близко напоминают текст приведенного выше канта, так что вполне можно допустить исполнение последнего во время торжественной ассамблеи, или пира, в эти дни празднования в Петербурге заключения Ништадтского мира.

Из Петербурга Петр, в декабре, отправился в Москву, где снова к его приезду были воздвигнуты трое ворот: на Тверской, у Казанского собора в Китай-городе и на Мясницкой.¹ Постройки их производились под наблюдением архитекторов Ивана Юстинова и Ивана Заруднова, причем ворота на Тверской и Мясницкой были сооружены на счет Строганова, гостей, гостиной сотни и купечества всего государства, а ворота у Казанского собора — на счет Синода. По высочайшему указу «рисунки тем всем воротам и проблемам, какие где пристойно, сочинить в духовном синоде». Эти рисунки сохранило нам современное издание: «Врата триумфальные в царствующем Москве», — у Пекарского под №№ 483 и 511, следовательно, книга была издана дважды подряд. Она дает «Изъяснение общее что во вратах сих изобразуется». Эмблемы на вратах у Земляного моста, на Мясницкой, согласно «Изъяснению», изображали, во-первых, — «совет в Афинах»: — «Минерва легко земли коснулась тросткою своею и тотчас выросла ветвь оливная», — на нем «надписание латинское от Виргилия: расеш те росцимус опнес, т.-е. в се тебе желаем мира»;

¹ Костомаров, там же, стр. 731.

во-вторых, Россия «в лице жены богатырки в красном памодаменте... сedit между арматурою, с одной стороны, и философскими орудиями с другой, и с любовным удивлением смотреть на персону государеву, малыми ангелами на воздухе носимую. Подписание: o, et praesidium, et dulce decus mecum. О, и крепости и сладкая красота моя!»... Наконец, третья эмблема изображала: «Две большие палаты; одна — российский, другая — шведский герб на великих щитах свои имущие, а между ими собственную стену каменную ангели разоряют, Христу свыше повелевающе. Подписание: Сотвори обоя едино».

Одновременно была напечатана «Реляция, что при отправлении торжественного входа, его императорского величества всероссийского, в Москву. В 18 день декабря сего 1721 году, чинилось».¹ В ней, между прочим, помещена речь, которою архиепископ новгородский Феодосий приветствовал Петра. «На которое сретение», говорит реляция, «явил (царь) свое императорское высококлонное милосердие, на мног час в оных вратах беселяся трубным и мусикийских гласов, а от учащихся отроков разноязычных песней слышанием».²

Наконец, ровно через месяц, в Москве снова праздновалось взятие Дербента и окончание Персидского похода. Голштинский камер-юнкер Ф. В. Берхгольц в своем «Дневнике» подробно описывает это новое — и последнее — военное торжество Петра. Привожу из него более подробную выдержку, как рассказ свидетеля этой любопытной бытовой сцены в старой Москве:

«18 декабря 1722 г.... «Около 11-ти часов (утра) императрица, в величайшем параде и с большою свитою, подъехала к находившимся там триумфальным воротам (воздвигнутым духовенством еще прежде, по случаю празднования мира), к которым теперь прибавлены были разные новые украшения и девизы, относившиеся к победам, одержанным в Персии. В самых воротах, по обе стороны, стояли столы с кушаньем, на случай, если б императору вздумалось остановиться и немного отдохнуть. Ее величество императрица, встреченная здесь, при непрерывных звуках вокальной и инструментальной музыки, духовенством и прочими присутствовавшими, проехала потом и к другим триумфальным воротам, поставленным от граждан, и там, в устроенном возле императорском доме (павильоне) ждала въезда императора. Часов в 12 его вел. в следующем порядке приблизился к упомянутым воротам духовенства: сперва вели несколько верховых

¹ П. Пекарский, № 485.

² Курсив мой. Н. Ф.

лошадей, покрытых превосходными чепраками; потом следовало несколько рот Преображенского полка на лошадях, в новых мундирах, в касках, обвитых цветами, с обнаженными шпагами и при громкой музыке. За ними ехали, верхом же, разные генералы и другие кавалеры, все в великолепных костюмах. Затем следовали придворные литаврщики и трубачи, за которыми шел офицер, несший на большом серебряном блюде и красной бархатной подушке серебряный ключ, который был вынесен навстречу его вел. императору из Дербента, изъявившего тем свою покорность. После того ехал сам государь, верхом, в обыкновенном зеленом, обшитом галунами, мундире полковника гвардии, в небольшом черном парике и в шляпе, обложенной галуном, с обнаженною шпагою в руке. Позади его ехало верхом еще довольно много офицеров и кавалеров. Наконец, несколько эскадронов драгун заключало процессию. В это время звонили во все колокола, палили из пушек, и раздавались радостные восклицания многих тысяч народа. . . . Когда император подъехал к воротам и сошел с лошади, архиепископ Новгородский, от имени синода и всего духовенства, приветствовал его речью; после чего его вел., вместе с герцогом¹ и знатнейшими вельможами, подошел к одному из поставленных в воротах столов и кушал с хорошим аппетитом; все прочие, поместившись, как попало, за другим столом, принялись за кушанья еще с большим удовольствием и ели так, как будто три дня голодали. . . .²

Несмотря на разные подробности, Берхгольц все-таки не упомянул о *вокальном исполнении* при встрече, на что мы имеем положительные доказательства. Возможно, что Берхгольц просто не слышал приветственного канта, за отдаленностью своего местонахождения и при общем шумном настроении народа, а может быть ему, как немцу, не понравился кант, и он не счел нужным упомянуть о нем. Пекарский в цитированной мною выше книге, под № 528, приводит «Песнь, ею же от моря Каспийского с победою над Дербеню и прочими грады, возвращающегося августейшего всероссийского императора отца отечества Петра Великого, милостивейшего своего государя и фундатора, въ торжественном в его императорский град Москву вхождении, приветствоваше Академия Московская 1722 года декабря 18 день». Пекарский перепечатывает и самую «Песнь» — «по редкости», так как сохранились всего два печатных экземпляра ее, с таким началом:

¹ Голштинским.

² Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Перев. с нем. И. Ф. Аммона. М., 1902, ч. II, стр. 244.

Кант на взятие Дербента (1722).

Торжествен - я паки вам от - рада От во-сточ
Спешно при-хо - дит Российска - я чада

ны - е военные брачи Марсовой да - ни

Ви - - - ват ви - ват ви - - ват виват Ви - - -

- ват виват ви - ват ви - - ват Виват виват

виват Эт бе - не ви - - ват

«Торжественная паки вам отрада
Спешно приходит российская чада
От восточные военные брани
Марсовой дани»...

«Песнь» включает всего пятнадцать куплетов, во время которых и могли насыщаться в триумфальных вратах чествуемые — Петр и его проголодавшиеся генералы. Эта песнь — не что иное как упомянутый мною раньше кант Буслаевского сборника. Итак, сохранилась самая музыка к этой «песни», сочиненной московской Славено-латинской Академией. Кант распадается на две части; второй служит виватный кант с заключительным «эт бене виват». В музыке его интересно отметить мелодический, вернее мелизматический оборот верхних голосов на слове «восточные» (шестой такт), которым, повидимому, автор хотел придать восточный характер напеву канта. Это, конечно, очень наивно для современного нам слуха, но достаточно остроумно, хотя бы по своей мысли, для Петровского времени.

Второй и два дальнейших куплета «Дербентского канта» (л. 218 — 219):

2.

«Где прогоняше супостатов мраки
Кавалерскими мужеством Марс драки,
Расширяючи российски пределы
Знатными делы.

3.

Не тако Дарий сильный мнится быти,
Благополучным и де же крепити.
Зданием начал Дербену велику

В силу толику

4.

Ей же едва град в каковой державе
Равен и силен обретесе в славе,
Аще ж и крепка: мужеством сотресе

Петру сдадесе»...

И два заключительных:

«Должнейша паче различными лики
Благодарити за действия толики,
Яко пределы твоя расширяет
Тьму прогоняет.

Желая верно не сочтенны веки,
Да державствуют между человеки
И защищает подручны народы
В вечные роды!».

IV.

Приведенные мною известия о различных подробностях, сопровождавших торжества победных шествий Петра, можно резюмировать кратко:

Для них сооружались триумфальные врата на пути следования Петра и его сподвижников; изображения их сохранились в современных гравюрах. Шествие останавливалось у врат; государь выслушивал приветствие духовных сановников или торжественные «песни» (канты), иногда отвечал на них и закусывал на приготовленных столах. Вся эта манифестация сопровождалась трубами или инструментальной музыкою; вероятно, обязательным в ней было участие колокольного звона и пушечной пальбы, до чего Петр также был большой охотник.

Вот при какой обстановке исполнялись Петровские канты, сохранные нам Буслаевским сборником. Тексты сочинялись, как мы видели, Славено-латинской Академией в Москве или кем-либо по поручению Синода. К некоторым придворным кантам их могли писать и придворные рифмачи — искусство их было нетрудное.

Помимо приведенных и указанных мною кантов, при подобных праздничных церемониях исполнялись иногда и другие вокальные произведения, более концертного характера, назначенные не для открытого неба, как встречные канты. Об этом свидетельствуют не только упомянутые выше «Стихи победительные» 1709 г., но и партитура тринадцатиголосного концерта «На примирение Полтавской баталии», сохранившегося в архиве Московской Оружейной Палаты. Но другие произведения этого рода покуда не известны.

Композиторами всех этих торжественных «кантов», «стихов» и «концертов» вероятнее всего могли быть только государевы, а иногда и патриаршие певчие дьяки, воспринявшие к тому времени несложную премудрость зачатков западной теории и быстро применившие ее к потребностям своей певческой практики. Но здесь, среди музыкальных оборотов и форм, кроме указанного мною простейшего склада двух или нескольких периодов и предложений (повторявшихся или сменявших друг друга согласно рифмованию строк текста), встречаются также обороты более своеобразные и, весьма возможно, своего, русского изобретения. Если вслушаться, напр., в некоторые виваты, обычно заключающие встречные канты, особенно после «Полтавской баталии» и заключения «Ништадтского мира», едва ли нельзя здесь, именно в дробных, ликующих переливах верхних голосов, видеть подражание светлому, радостному перезвону дискантовых колоколов.

Вопрос об исполнителях встречных кантов также разрешается просто. Многочисленность воздвигавшихся триумфальных врат требовала наличности не одного, а нескольких хоров, ожидавших прибытия шествия во главе с государем, а не бежавших попутно с ним, — певчие не могли бы тогда петь. В Москве, кроме частных хоров (напр., у Строгановых) или различных церковных, в то время (1700—1722) находились по крайней мере три достаточно больших хора, пригодных для исполнения таких вокальных ансамблей. Во-первых, хор государевых певчих дьяков, затем, патриарших певчих и, в-третьих, хор Славено-латинской Академии, принимавшей, как мы видели, активное участие в устройстве подобных публичных торжеств. Именно ученики Академии могли исполнять те «разноязычные песни», о которых упоминают современные печатные источники.

Второй из этих хоров, — патриарший, несмотря на упразднение в это время патриаршества, продолжал существовать. В 1710 г. он состоял из сорока певчих. Постепенно лучшая часть их была переведена в придворный хор, но, кажется, еще во время празднования Ништадтского мира, достаточный ансамбль этого хора находился в Москве, или, по крайней мере, он мог быть туда командирован. Недаром государь, на вопрос о судьбе и наименовании певчих, числившихся в Патриаршем приказе, в 1721 г. положил такую резолюцию: «Именоваться, кажется, пристойно: певчие соборной церкви, а употребить, куда хотят, понеже, кроме великих праздников, мне нужды в них нет». Впоследствии, как известно, из таких «певчих соборной церкви» образовался новый ансамбль — хор синодальных певчих в Москве.

V.

По образцу рассмотренных нами Петровских кантов пятой части Буслеевского сборника, сочинялись впоследствии канты в честь Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны и Елисаветы Петровны, также находящиеся в нашем сборнике. Но в последнем имеется еще один отдел — четвертый — вовсе оставленный до сих пор без внимания исследователями сборника, — отдел многолетий и виватов, казавшийся, повидимому, совершенно неинтересным: по своему тексту эти пьесы, действительно, крайне однообразны. Однако, присмотревшись к ним внимательнее, можно убедиться в том, что они представляют несомненный, если не художественный, то, во всяком случае, исторический интерес.

Эта часть сборника — не просто несвязанные друг с другом отдельные, собранные в один сборник виватные песнопения, но едва ли не представляют целую торжественную кантату, составленную из отдельных небольших кантов — кантату, почти несомненно сочиненную в 1721 г. и исполненную тогда же после провозглашения Петра императором или во время того же празднования Ништадтского мира. На самом деле, конечно, оба события были тесно связаны друг с другом.

Покуда невозможно более точно установить где и при каком случае эта кантата была исполнена. Москва, остановки торжественного шествия у разных триумфальных ворот, приветственные и ответные речи — вот какая обстановка исполнения этих кантов может рисоваться после знакомства с разными деталями Петровских празднеств, изложенных в предыдущей части настоящего очерка.

Это ясно показывает первый ликующий виват, написанный в виде валторных фанфар, которым в то время подражали наши духовные композиторы, познакомившись с подобным инструментальным ансамблем во время встреч, и в качестве застольной музыки — иноземные валторнисты служили тогда и при дворе, и едва ли не у каждого вельможи, не говоря о герцоге Голштинском или иностранных послых. Такой виват именно должен был быть встречным кантом (см. стр. 686).

За ним, вероятно, следовала приветственная речь завершавшаяся многолетием (л. 160). При вторых воротах, после встречной речи, раздавался новый кант: «Сотвори ж ему, господи, даруй ему, господи, многая лета» (л. 160 об.), с колокольным звоном и заключительными «Кирие элейсон» (л. 161).

Один из дальнейших встречных кантов этой части представляет ликующую по настроению «осанну», которая по музыке очень любопытна

Виват виват виват виват виват виват ви¹ ви ви ви

ви - - - ват виват ви ви ви ви ви - - - ват, виват

своим русским характером, при надлежащем исполнении вполне напоминающем праздничный колокольный перезвон:

О-санна осанна осанна о - санна осанна благословен грядый

во имя господне О-санна осан-на осанна осан - на осанна осанна осанна

В таком ликующем характере выдержана музыка и остальных частей торжественной кантаты, заключающей всего около двадцати двух отдельных кантов. Вероятно, со временем окажется возможным издать полное собрание этих Петровских кантов, в том числе «Победительные стихи»

¹ В Буслаевском сборнике, при повторениях слова «виват», оно писалось сокращенно.

1709 г. (представляющие обширную композицию в десять достаточно продолжительных песнопений).

Дальнейшие после «Осанны» канты могли исполняться у следующих триумфальных ворот и, вероятно, учениками Славено-латинской Академии, приветствовавших Петра такими высокопарными виршами:

«Торжествуй,
Ликовствуй
Беллона преславна!
На весь свет
Многим
Крепость твоя явна!» и т. д.

Последние части торжественной кантаты исполнялись у новых триумфальных врат:

«Поем вси госпoдеви славно бы прославися,
Яко в век милость его на нас утвердися».

«Поем ему в трубе гласе
Вознося рог вѣчных часы.
В небесный чертог утренняя денницы
Вниде ликуя молим ангелы лица» и т. д.

и заключались новыми виватами; из таковых особенно последние выделялись дробными, колокольного характера, переливами верхних голосов (см. стр. 688).

Они, вероятно, прерывались в финальном «эт бене виват» колокольным звоном и пушечными выстрелами. Этот чрезвычайно эффектный прием, впоследствии, при Екатерине II, также был использован итальянским мастером, придворным капельмейстером Джузеппе Сарти в его торжественных кантатах, а еще позже — М. И. Глинкой в гениальном финале его первой оперы.

Таковы, в общих чертах, встречные и торжественные канты Петровской эпохи. Они вызвали у нас значительную вокальную литературу в том же роде, и только в конце XVIII в. уступили место гораздо более пышным, хотя, в сущности, столь же мало содержательным кантатам приезжих иностранных мастеров.

Заключительный «виват».

Ви — — — ват ви ви ви ви ви ви виват

Ви — — — ват ви ви ви ви ви ви виват

Эт бе — не ви — ват ви — ват

Не всегда, однако, эти старинные русские — я сказал бы даже московские — канты отличались только чисто внешним, декоративным эффектом, ради которого они, конечно, и сочинялись. Среди светских кантов XVIII в. можно найти и более удачные, и даже прочувствованные песни, передававшие иные, более душевные переживания.

Одним из таких кантов, близким современником рассмотренных мною кантов Буслаевского сборника, можно назвать «Кант на кончину Петра и восшествие на престол Екатерины», находящийся в принадлежащем мне рукописном сборнике трехголосных кантов XVIII в.

Не стало Петра. Снесены триумфальные арки. Замолкли встречные канты, гремевшие славу победам преобразователя России. Если певец канта (автор текста) набросал картину печали и уныния

«Въ слезах Россия вся погружалась,
По Петре в сиротстве как осталась»...

Кант на кончину Петра (1725).

(Медленно)

1. В слезах Рос - сии - я вся по - гру - жа - лась По Петре
 2. Паки в ма - де по тьме свет у - зре - ла Как Ека -

в си - рот - стве как оста - лась Свет помра - чись столь сокру - шись
 те - рри - ну я - ме - ла На престо - ле вся по во - ле

ве - нед твой у - ва - - - - де при гро - бе Толь - ко сте - нать
 Пе - тро - вой сто - я - - - - шу на дол - зе Мо - нар - хи - ня

только ры - дать Толь - ко должно бы - ло у - - нить утро - бе
 геро - н - ня О! лю - те не жи - ве ко твоей пол - зе

то и композитору его музыки удалось схватить надлежащий скорбный, вернее, жалобный тон. А некоторые детали музыки этого канта привлекают, своим душевным настроением, столь чуждым прежним, только эффектно звучащим Петровским встречным кантам.

Второй куплет этого канта воспевает восшествие на престол Екатерины в таких словах:

«Паки в мале по тьме свет узрела
Как Екатерину возымела.
На престоле вся по воле
Петровой стоящу на долзе,
Монархиня! героиня!
О! люте не живе ко твоей ползе».

Автором этих вирш мог быть едва ли не только Феофан Прокопович, который неоднократно награждал Екатерину такими же громкими и пустозвонными эпитетами («великая гердиня монархиня») и в своем «Слове в день коронации государыни императрицы Екатерины Алексеевны», произнесенном в Москве, в Успенском соборе 7 мая 1724 г., и в другом «Слове на погребение императора Петра, 1 марта 1725».¹

¹ Сочинения Феофана Прокоповича. СПб., 1761, ч. II, стр. 103 — 111.